

Тем не менее, нельзя еще раз не подчеркнуть важность и содержательность принятого лексикографического труда. Будем надеяться, что вскоре появится второе издание словаря, дополненное и лишенное указанных недочетов.

-
- Мильков Ф. Н.* Словарь местных географических терминов Черноземного центра. Воронеж, 1970.
Мильков Ф. Н. Природа Донского Белогорья в названиях населенных пунктов и урочищ // Донское Белогорье. Воронеж, 1976.
РД — Русская диалектология : учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, К. Ф. Захарова и др. ; под ред. Л. Л. Касаткина. М., 1989.
РД — Русская диалектология : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / В. В. Колесов, Л. А. Ивашко, Л. В. Капорулина и др. ; под ред. В. В. Колесова. М., 1990.

О. А. Теуш

Рукопись поступила в редакцию 14.01.2011 г.

Рогалев А. Ф. Историческая антропонимия Гомеля и окрестностей / А. Ф. Рогалев. — Гомель : Барк, 2009. — 152 с.

Книг и статей по исторической антропонимии выходит сейчас не так уж много. После классических трудов А. М. Селищева, В. К. Чичагова, обстоятельных работ А. Н. Мирославской, М. В. Бирылы, П. П. Чучки, В. Д. Бондалетова, И. М. Ганжиной, Е. Н. Поляковой и некоторых других ученых из восточнославянских стран мало кто берется за разработку истории имен и их парадигм у русских, белорусов, украинцев. Это и неудивительно: сколько нужно просидеть в архивах, библиотеках, разбирая манускрипты и старопечатные книги, по крупицам обнаруживая в них примеры, которые потом нужно описать, классифицировать, опираясь на знание исторической фонетики, лексикологии, словообразования, морфологии, синтаксиса, приводя примеры из других языков, учитывая прошлое народа и его культуры, взаимодействие между этносами. Но зато потом, когда материал собран и классифицирован, описание получается увлекательным и интересным не только для специалистов, но и для любителей истории культуры народа, древностей, краеведения, а порой оно приносит открывшему книгу радость знакомства с прошлым собственного рода, семьи. Такова в целом природа антропонимии, близкой и понятной всем любознательным и пытливым читателям.

Гомельский ученый Александр Федорович Рогалев известен своими трудами по этногенезу белорусов [Рогалев, 1994], топонимике [Рогалев, 1993; 2008], поэтической ономастике [Рогалев, 2007], краеведению [Рогалев, 2006]. Эти труды вызвали большой интерес не только у жителей Гомеля и Белоруссии, но и у читателей из России, Украины, Польши и других славянских стран. Новая книга открывает неизвестные страницы исторического прошлого белорусского народа сквозь призму имен его представителей.

Создание книг для белорусского ученого является трудом, приносящим удовлетворение, радость, счастье. Это ощущается на каждой странице рецензируемой работы. Даже

эпиграф подобран автором соответствующий — в рассказе В. М. Гаршина «Надежда Николаевна» им найдены такие строки: «В пустой и бесцельной толчее, которую мы все называем жизнью, есть только одно истинное, безотносительное счастье: удовлетворение работника, когда он, погруженный в свой труд, забывает все мелочи жизни и потом, окончив его, может сказать себе с гордостью: да, сегодня я создал благое». Думается, что многие ученые могут узнать себя в этом счастливом работнике.

Книга открывается введением, в котором читатель знакомится с историей появления фамилий у восточных славян, со сложностями нахождения корневой части фамилии даже от известных календарных имен (не легко, например, установить, что *Самусь* — это неофициальная форма от *Самуил*, *Снята* — от *Константин*, а *Фесь* — от *Феодосий*), с компонентами полных официальных именовании в Московском и Литовском государствах, где формировались русская и белорусская народности. А. Ф. Рогалев не считает лишним предупредить читателя, что этимологическое значение фамилии не имеет отношения к ее современным носителям, что фамилия в какой-то мере характеризовала родоначальника, а в последующих поколениях ее значение затемнялось и забывалось (с. 10). Сейчас, когда расплодилось немалое количество фирм, обещающих быстренько раскрыть значение фамилии и работающих по принципу «Сделаем вам красиво», неискушенные потребители этой псевдонаучной продукции ждут только приятных этимологий и потом, прочитав в научных изданиях об истинном происхождении и первичном значении фамилии, расстраиваются и возмущаются. Не слишком чувствительными, сюсюкающими были наши предки. Нет бы назвать человека как-нибудь красиво, сочувственно к его недостаткам или страданиям, но народ без всяких экивоков именовал того, у кого горб, *Горбуном* или *Горбачом*, косоглазого — *Косыгой*, лопухого — *Ушаком*, крикуна — *Верещагой*, того, у кого рука плохо действует, — *Сухоруком*. В XV–XVII вв. у русских князей были записаны в летописях такие прозвища: *Бородатый Дурак*, *Дурная Овца*, *Мясная Голова*, *Песья Старость*, *Слепые Зубы*, *Умойся Грязью*, *Свистун Неблагодарный* и др. И все ведь это были, в основном, прозвища, которые говорились в глаза, но их носители, уважаемые в обществе люди, не обижались. Таковы были нравы того времени, так полагалось относиться к прозвищам. У англичан, например, было ничуть не лучше: фамилия *Bogg* образовано от слова со значением ‘шумливый, задиристый, дерзкий’, *Bagg* и *Baggs* — от прозвища, обозначающего «драчун», *Sprackling* — ‘скрипучая нога’ и пр. [Рыбакин, 79, 54, 426].

Вот и среди личных имен кривичей, дреговичей и радимичей исследователь обнаруживает антропонимы *Пес*, *Свинья*, *Сука*, *Огарок*, *Ощенок* и др., которые «постепенно утрачивали подспудный смысл и становились типовыми словесными знаками с индивидуально-дифференцирующей функцией, у которых план выражения (внешняя сторона, звучание) преобладал над планом содержания (значением)» (с. 19). В список односоставных имен вошли и *Путило*, *Путиша*, *Путията*, которые с большей степенью вероятности можно считать сокращенной формой композитного имени *Путислав* или *Путивой* (как и *Путиа*, ставшее основой фамилии *Путин*). Несколько прямолинейно автор переводит уже в XI в. языческие имена в разряд прозвищ (с. 20). Из многих источников известно, что еще и в XVII в. употреблялись имена, звучащие так же, как дохристианские, но не имеющие языческого содержания, являющиеся бытовыми, параллельно функционирующими с крестными. Так, сын святой Иулиании Лазаревской (Муромской), автор ее жития, написанного в начале XVII в., носил имя *Дружина*. Это

имя было довольно популярным на Руси. Среди царицынских стрельцов, которым 2 марта 1615 г. выплатили жалованье за то, что «они острог и церковь поставили», значится *Дружинка* Иванов. Но эти православные люди вовсе не были язычниками и свои имена не считали прозвищами, хотя в храме у них были другие имена, с которыми их крестили и по которым за них молились. Эта традиция и поныне сохранилась у болгар, сербов, македонцев.

А. Ф. Рогалев отмечает, что у кривичей, дреговичей и радимичей были распространены имена, указывающие на порядок появления детей на свет (*Первуша, Шестак, Осьмой* и др.), время суток (*Заря, Вечеря, Сумарок* и т. п.) или время года, когда ребенок родился (*Ярилка, Разгуляй, Ягода* и пр.); характеризующие поведение новорожденного (*Бессон, Смирной*), отношение к нему (*Бажен, Ждан*), внешний вид (*Черняк, Малой, Беспалый*). Симпатия автора к языческим временам заставляет его предположить, что современные православные белорусы подсознательно во многом продолжают «следовать обрядам, представлениям и традициям» предков (с. 28). Исследователь обнаружил, что после Крещения Руси «церковь и выражающий ее интересы господствующий класс эпохи феодализма вводили новые имена во многом принудительно» (с. 30). Даже этимологическое значение «очень красноречиво свидетельствует о языческих истоках толкуемых христианских имен» (с. 34). Думается, что по крайней мере древнееврейские по происхождению имена *Даниил, Иван, Михаил* вряд ли подходят под эту характеристику.

В книге приводятся списки православных и римско-католических имен, бытующих у белорусов в XVII в. (с. 40–43). По мнению автора, из-за ограниченного канонического списка христианских имен их дифференцирующая и идентифицирующая функции оказались ослабленной. Функцию персонификации лица стали выполнять отчества в качестве дополнительного официального именованья (с. 44).

Во второй главе рассмотрены отчества. Им предшествовали патронимы, которые выполняли не только индивидуально-дифференцирующую, но и юридическую функцию, обозначая наследников владетельных особ (с. 45). От имени или прозвища матери образуются матронимы, сохранившиеся в фамилиях *Красавин, Гостюхин, Акулич* и др. Поскольку у восточных славян долгое время бытовало по два имени — христианское и мирское, от них образовывались два отчества: *Савелий Галактионов сын Цаплин*. В дофамильный период использовалось также дедичество: *Гриша Овцын сын Мешков*. Оно становилось фамильным прозвищем в случае сохранения его в третьем-четвертом поколениях (с. 46). Постепенно на первый план у отчеств выступила социально-дифференцирующая функция, дополняющая индивидуально-дифференцирующую. Появляются полуотчества, оканчивающиеся на *-ов/-ев* в отличие от полных отчеств на *-ич*. В Московском государстве официальное разграничение полных отчеств и полуотчеств осуществлялось очень последовательно, а в пределах Великого княжества Литовского полные формы отчеств используются в официальных документах любых лиц, в том числе крестьян (с. 49).

В третьей главе рассмотрены именованья жителей Гомеля и его окрестностей в XVI в. Отмечается, что на 130 фиксаций полных отчеств в документе 1560 г. встречается только одно полуотчество (*Лаврин Ильин*). Изредка встречается мирское имя или прозвище рядом с христианским личным именем: *Матфей Ерыга, Илья Бобровник* (с. 50). Отчества образуются и от мирских имен: *Иван Познякович* (отец *Позняк*), *Федько Красич* (отец *Красный*), *Иван Губич* (отец *Губа*). Приводится список имен жителей

Гомеля и его окрестностей с белорусскими фонетическими особенностями: *Оксюта* (*Авксентий*), *Пилип* (*Филипп*), *Супрон* (*Софроний*) и др. Сохранились и мирские имена, «что свидетельствует о сохранении старого языческого именового фонда»: *Ждан Антонович*, *Хотян Мехедович*, *Жидко Фурсович*. Последнее имя понимается как «сын Жидкого» (с. 53), однако точнее относить его к глаголу *жьдати*: в истории восточнославянской антропонимии сохранилось, например, имя *Жидята*, образованное от композитных имен *Жидислав*, *Жидимир*. Между христианскими и бытовыми именами начинается интенсивное взаимодействие, о чем напоминает и автор книги, анализируя отчество *Ярошкович*, которое может быть образовано от мирских имен *Ярослав*, *Яромир* (может быть, и от *Ярополк*) или от христианского *Иерофей* (с. 57). Наверное, можно было отметить, что отец бояр *Исая* и *Павла Харковичей* мог иметь не только мирское имя *Хорек*, но и православное *Харитон*.

В четвертой главе А. Ф. Рогалев дает типологию фамилий. Отмечается, что русский тип фамилий известен и в Белоруссии, но в целом фамилии на *-ов/-ев/-ин/-ын*, по подсчетам С. И. Зимина, составляют здесь чуть больше четверти общего количества этих антропонимов (с. 62). Характерными для белорусов стали фамильные именованья типа *Максименок*, *Найденок*, которые обозначали прежде всего патронимические связи и лишь вторично уменьшительность (с. 64). Думается, что здесь имеет место и древнеславянская модель образования названий детенышей, сохранившая в белорусском языке *-я* как рефлекс носового (*цяля*, *парася*), а в русском языке, как и в указанных выше фамилиях, получившая в единственном числе дополнительный уменьшительный суффикс **-ьк-*, в результате чего перед гласным носовой распался (*теленок*, *поросенок*). В Посожье, Поднепровье и восточной части Придвинья распространены фамилии украинского типа на *-енко* того же происхождения. К патронимическим относятся также фамилии на *-ич*, *-их*, *-ых*, образованные притяжательным суффиксом **-j* и пр. Другие фамильные антропонимы автор считает непатронимическими, включая в них бессуффиксальные (*Белоус*, *Вьюн*, *Примак*, *Бондарь*, *Богдан*, *Поляк*), отадективные (*Заболотный*, *Подгорный*), оттопонимические (*Могилевец*, *Запорожан*; *Жлобинский*, *Пинский*), иноязычные (*Рапопорт*, *Огай*, *Стельмах*).

Пятая глава посвящена анализу именованья жителей Гомеля и окрестных сел в XVII–XVIII вв. Автор перечисляет имена, зафиксированные в документах этого времени, отмечая, что они в основном мужские, так как женщины включались в официальные списки в том случае, если они становились юридическим лицом. Наиболее частотными мужскими православными именами в Гомеле конца XVIII в. были *Иван*, *Григорий*, *Андрей*, *Федор*, *Семен*, *Василий* и др. (с. 79). В официальном именовании дворян основная нагрузка постепенно легла на фамилию, перед которой по западной традиции стали ставить инициалы. В XIX в. в официальных записях лиц всех сословий стали выделять графу для отчества (с. 81).

Шестая и седьмая главы, занимающие треть объема книги, представляют собой этимологические словарики фамилий. В шестой рассмотрены фамильные прозвания крестьян-дворовладельцев в королевских гомельских селах и дворовладельцев города Гомеля XVII в., в седьмой — фамилии жителей Гомеля и окрестных населенных пунктов XVIII в. С разной степенью подробности анализируются фамилии, образованные от христианских имен (*Аксиненок*, *Вакуленак*, *Демьянович*, *Матвеев*, *Матвеенок*, *Матюша*; *Апанасенок*, *Афанасьев*, *Змиторо*), от дохристианских имен, которые автор,

в силу своих представлений об эволюции антропосистемы у восточных славян, нередко относит к тотемному типу и/или считает оберегами (*Бровко, Голубь, Горло; Лозовой, Семилеток*), от прозвищ разного типа (*Березец, Вареница, Горелик, Гулай, Жордак, Коваль, Кубрак; Боровик, Гребенник*), от географических названий (*Высоцкий, Гащицкий, Речиченица, Руцкой, Савицкий, Шумский; Островский, Рожновский*), заимствованные из других языков (*Жукло, Плембоцкий; Бетен, Гирун*) и др. Некоторые этимологии А. Ф. Рогалева интересны своим неординарным подходом и могут быть использованы при составлении словарей славянских фамилий: *Надточей* — от *надтока* «человек с крайностями в каких-либо требованиях или взглядах» или «избыточный ребенок» (с. 100); *Траханович* — от глагола *трахать* «сильно бить, стучать», прилагательного *трахливый* «торопливый» или от имени *Трофим* (с. 109); *Цекун* от слова со значением «любопытный, приметливый» или от *цыкать* «прикрикивать с угрозой; издавать приглушенный свистящий звук» (с. 112), отметим, что в волжских говорах *цекунами* или *цуканами* называют тех, кто цокает — произносит *ц* вместо *ч*. Фамилию *Дайнека* автор возводит к имени *Данакс, Данакт* (с. 88); думается, что этимология Б. О. Унбегауна, относящего антропоним к украинскому названию казака XVII в., вооруженного дубиной [Унбегаун, 224], является более убедительной. Фамилия *Односум*, по мнению А. Ф. Рогалева, образована от слова со значением «тот, кто имеет одну суму, бедняк» (с. 125), но, может быть, что она принесена с Дона, где употребляется слово *односум* «сослуживец по армии; человек одного года рождения с другим, одногодок, однолеток» [СДГ, 4, 67–68], а донской казак записывает историю возникновения этого слова: «Зимуя в одной становой избе, имели человек по десять и более одну суму, в которой добычный запас их хранился. Считались не по сотням и десяткам, а по суме, от чего вышло на Дону братское слово односум» [Кательников].

В заключительной главе «Что в имени тебе моем» автор размышляет о связи между звучанием и значением слова, об информации, которую несет личное имя, ставит перед читателями вопросы о том, какое имя гармоничнее, красивее, призывает их не быть легковверными, читая книги, в которых обещают по имени предсказать судьбу. Список использованной литературы достаточно полный, однако в нем отсутствует лучший, на наш взгляд, словарь современных русских фамилий И. М. Ганжиной [Ганжина].

В приложении дается очерк об именах *Рогволод* и *Рогнеда*. Сохраняя свою привязанность к языческому миру и восхищаясь им, А. Ф. Рогалев утверждает, что в древности князем называли не только предводителя войска, но и вершителя культовых ритуалов, ссылаясь на польское слово *ksiądz*, которым называют священника (можно было еще добавить аналогичные чешское *kněz*, словацкое *kňaz*). Хотелось бы получить какие-то аргументы в пользу этого замечания, поскольку традиционно считается, что чехи и поляки перевели так латинское обращение к служителям клира *dominus* в Средние века, используя древнее заимствование из немецкого языка от слова *kuning*, современное *König*, восходящее к корню *kuni* «род» [Brückner, 277; ср.: Фасмер, 2, 266]. В древности же этим словом все славяне называли только предводителя войска и правителя государства, о чем свидетельствуют факты восточно- и южнославянских языков, да и в западнославянских языках это значение представлено убедительными примерами (болг. *кнез* «старейшина», серб. *кнез* «князь», словен. *knez* «граф, князь», чеш. *kníže* «князь», словацк. *knieža* «князь», полаб. *k'naz* «дворянин, помещик», в.-луж. *knjez* «господин», н.-луж. *kněz* «господин»).

В приложении анализируются древнерусские имена князей. Утверждается, что имя полоцкого князя Рогволода обозначало «обладатель рога», а тот, кто обладал рогом как непременным атрибутом языческого культа, «безусловно, принадлежал к жреческому сословию» (с. 146). Прибыл этот князь из Аркона или Волина, древних центров поморских славян на Балтийском море. Его дочь (по другим версиям, жена или сестра) Рогнеда была, по мнению А. Ф. Рогалева, служительницей культа, жрицей (с. 147). Ее имя этимологизируется на базе литовских слов *raganius* 'колдун', *ragana* 'ведунья' (с. 148). Думается, что можно было подумать о близости имен князя и его дочери и поискать общую этимологию для обоих антропонимов. По крайней мере, приводимые М. Фасмером разыскания В. Томсена [см. о нем: Брим] о том, что эти имена имеют древнескандинавское происхождение от *Rag(n)valdr* и *Ragnheiðr*, исторически, типологически и фонетически менее противоречивы [Фасмер, 3, 490].

Интересную и полезную книгу написал гомельский ономастолог Александр Федорович Рогалев. Она прочитывается на одном дыхании. К ней обращаются лингвисты, историки, краеведы, любители филологических загадок. Как и любое талантливое произведение, книга об исторической антропонимии Гомеля вызывает желание поспорить, обсудить некоторые небесспорные высказывания автора. Только гладкие и пресные публикации не становятся поводом для полемики, но они и забываются быстро, а книги А. Ф. Рогалева долго будут в центре интереса ученых и любителей ономастики. Хотелось бы, чтобы они попали в библиотеки ономастических центров России, чтобы как можно больше читателей смогло с ними познакомиться.

-
- Брим В. А. В. Томсен как германист // В. А. Брим. Сочинения. Волгоград, 2007. С. 131–147.
Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. М., 2001.
Кательников Е. Н. Историческое сведение Войска Донского о Верхне-Курмоярской станице, составленное из сказаний старожилов и собственных примечаний 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск, 1886.
Рогалев А. Ф. Этнотопонимия Беларуси на фоне этнической истории. Гомель, 1993.
Рогалев А. Ф. Белая Русь и белорусы: В поисках истоков. Гомель, 1994.
Рогалев А. Ф. От Гомиюка до Гомеля: городская старина в фактах, именах, лицах. Гомель, 2006.
Рогалев А. Ф. Имя и образ: художественная функция имен собственных в литературных произведениях и сказках. Гомель, 2007.
Рогалев А. Ф. Географические названия в калейдоскопе времен. Гомель, 2008.
Рыбакин А. И. Словарь английских фамилий. М., 2000.
СДГ — Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 4. О—П. Волгоград, 2008.
Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1995.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1986; Т. III. М., 1987.
Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970.

В. И. Супрун

Рукопись поступила в редакцию 30.09.2010 г.